V 27/148

V 27/148

ТЕРНІИ

на пути

ОТЦА ІОАННА

КРОНШТАДТСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТНЯ „УСЕРДІЕ“, 3-Я РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, 16.
1913.

2007080140

У 27
148
МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХШ-41798
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Тернія на первыхъ порахъ пастырства, притѣсненія отъ настоятеля и недовѣріе со стороны высшей духовной власти.

„Дорогой Батюшка! Вы давно священствуете, а открыто явились людямъ не такъ давно?"—О. Іоаннъ: „То было время искуса. Можно ли исходить на брань, не приготовивъ себя и не искусившись". (Бесѣды о. Прот. І. Сергіева съ Игуменіей Таисіей. СПБ. 1909 г. 11 стран.).

V.

ИТАКЪ, по окончаніи курса въ Академіи, о. Іоаннъ становится священникомъ. Съ какими думами и чувствами принялъ онъ этотъ великій санъ? Смотрѣлъ ли равнодушно онъ на это великое служеніе или его сердце пламенѣло отъ сознанія высоты служенія пастырскаго? Давалъ ли онъ горячіе обѣты непостыдно, до послѣднихъ дней своихъ, всегда служить Христу или, быть можетъ, онъ не думалъ ни о чемъ?

Нѣтъ нужды скрывать о томъ, что нѣкоторые, принимая священный санъ, не думаютъ много ни о чемъ. Ихъ душа не наполняется чувствами горячей ревности служенія Христу даже „до крове". Ихъ взоръ не простирается въ далекое будущее, когда ихъ вѣра будетъ подвергаться всякаго рода искушеніямъ и испытаніямъ. Не всегда, даже и во время хиротоніи, въ эти рѣдкія минуты духовнаго подъема всѣхъ силъ, бываетъ ясна въ ихъ сознаніи великая

идея пастырскаго служенія. Не съ такими думами и чувствами приступалъ къ этому служенію о. Іоаннъ. Онъ смотрѣлъ на пастырское служеніе, какъ на высочайшее служеніе на землѣ, высшее всѣхъ другихъ служеній. Его высокія думы о пастырствѣ остались думами, не развѣянными никакими невзгодами до конца земной жизни. Его душа пламенѣла такою же ревностью, какою была наполнена въ великія минуты рукоположенія его во священника. Онъ сумѣлъ сохранить въ себѣ этотъ великій даръ до могилы. Какія чудныя строки о пастырствѣ мы находимъ въ „Дневникѣ“: „Священникъ—ангелъ Господа Вседержителя,—пишетъ онъ здѣсь. Ему, какъ ангелу апокалипсическому, даны ѳиміами мнози, да кадитъ предъ престоломъ Божіимъ, предъ ликами Господа и святыхъ и приноситъ Богу молитвы о всѣхъ людяхъ. Его одежды, во время богослуженія, изображаютъ его, какъ ангела: ибо фелонь изображаетъ нетлѣнное одѣяніе и крылья ангела Божія. И, дѣйствительно, священникъ долженъ быть, какъ ангелъ: воспарять выше земного, быть выше житейскихъ пристрастій, безпрестанно возвѣщать величіе и славу Божію въ церкви Божіей людямъ Его, возвѣщать волю Его, быть хранителемъ и провозвѣстникомъ вѣчныхъ заповѣдей Божіихъ, долженъ отличаться мужествомъ, неустрашимостью, быть выше всякаго лицепріятія и неправды, долженъ уподобиться ангеламъ по своему постоянному воздержанію, чистотѣ, неусыпному бдѣнію о ввѣренномъ ему отъ Господа залогѣ,—о безсмертныхъ душахъ человѣческихъ“. „Предшествіе діакона въ священнослуженіи означаетъ важность священническаго сана, какъ сана Христова и апостольскаго; Христу служили Ангелы, священнику служитъ діаконъ“.

Высота пастырскаго служенія еще яснѣе будетъ для каждаго изъ насъ, если мы хотя бѣгло обратимъ вниманіе на священнодѣйствія священника. О. Іоаннъ пишетъ: „Я предстою престолу Бога Вседержителя, Который ввѣрилъ моей молитвѣ и предстательству царей и царства вселенной, всю вселенную, въ особенности царство Русское и Царя Россіи, съ Его Домомъ, Его палату и воинство, всю

Церковь, всю іерархію, епископство, пресвитеровъ, во Христѣ діаконовъ, весь причтъ и людей, всякій городъ и страну, и вѣрою живущихъ въ нихъ; предстою престолу Вседержителя, во власти Коего небо и земля, всѣ стихіи, свѣтъ, воздухъ, огонь, вода, земля и всѣ плоды земные, суша и море, всѣ животныя земныя и водяныя, и Который далъ мнѣ право ходатайствовать предъ Нимъ о благорастворѐніи воздуха и объ избавленіи отъ землетрясенія, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ и междоусобныя брани, отъ всякихъ бѣдствій, постигающихъ людей за грѣхи. Я стою у Самаго Источника жизни всѣхъ тварей, у Самаго Источника благодати, очищенія и спасенія. Я стою предъ самою неприступною, всеблагою, всепремудрою и всемогущею Державою, предъ Которой преклоняется все живущее—на небѣ и землѣ. Каковъ же должепъ быть я, поставленный на такой высотѣ, у такой святыни, у такого величія, у такой безприкладной Державы, у такой Лѣпоты? Истинно я изображаю таинство Христово, Херувимовъ: высоко мое служеніе, а я грѣшникъ, страстенъ, немощенъ. Господи, удовли мя Самъ на сіе служеніе".

„Великъ и превысокъ санъ священника: онъ предстоитъ ежедневно престолу Божію на землѣ, какъ ангелы на небесахъ; приноситъ Богу благодарственную жертву за всѣхъ святыхъ, ходатайствуетъ о всемъ мірѣ, за всѣхъ живыхъ и умершихъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія, совершаетъ небесныя таинства, непрестанно бесѣдуетъ съ Богомъ, какъ довѣренное лицо: славитъ, благодаритъ, умоляетъ Его, обращаетъ заблуждающихся, вразумляетъ, убѣждаетъ, утѣшаетъ, наказуетъ духовно. Священникъ долженъ быть не только святъ, но особенно святъ, какъ человѣкъ Божій, какъ непрестанно бесѣдующій съ Богомъ".

„Священникъ—уста всѣхъ, умъ и сердце всѣхъ людей, предстоящихъ и молящихся въ храмѣ; онъ выражаетъ ихъ славословіе, благодареніе, прошенія. Каковы же должны быть эти уста, это сердце, этотъ умъ"?..

Высоко положеніе священника, но и великіе обязанности его. О. Іоаннъ пишетъ: „священникъ долженъ быть не только святъ, но особенно святъ, какъ человѣкъ Божій, какъ непрестанно бесѣдующій съ Богомъ". И это вполнѣ справедливо. „Какое чистое сердце, чуждое всякаго житейскаго пристрастія, долженъ имѣть священникъ, чтобы быть ему вмѣстилищемъ и носителемъ Божественной любви, любви святой, пламенной ко всему человѣчеству, возлюбленному и спасенному Богомъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ,—чтобы приносить Богу безкровную жертву о всемъ мірѣ, о Церкви небесной, земной и преисподней, или о колѣнѣ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ,—чтобы искренно отъ чистаго сердца приносить Богу благодареніе отъ лица Церкви за патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, евангелистовъ, іерарховъ, преподобныхъ и праведныхъ". „Какое требуется безстрастіе отъ священника! Служа соединительнымъ звеномъ, соединяющимъ земное съ небеснымъ, онъ долженъ быть самъ небесный человѣкъ, только тѣломъ касаясь земли, а сердцемъ и душой весь простираясь въ небеса и пребывая на небѣ".

„Во время литургіи священникъ весь долженъ быть объятъ любовію къ Богу и ближнимъ, искупленнымъ и соискупленнымъ кровію Христовою; въ немъ не должно быть никогда ни гнѣва и огорченія на кого-либо, или пристрастія къ чему-либо земному,—къ пищѣ ли, одеждѣ ли, украшенію ли, отличію ли служебному, къ лицу ли какому,—онъ всегда долженъ быть горній, Божій, святый, и да будетъ такъ". „Священнику во время Богослуженія надо сознавать свое высокое, небесное достоинство, какъ служителя Божія, и какъ совершителя пренебесныхъ Таинъ, и не раболѣпствовать предъ людьми ради суетной славы или житейскихъ выгодъ, не страшиться лица человѣческаго, этой травы, сегодня зеленѣющей, а завтра увядающей".

И не для себя долженъ жить пастырь, а для ближнихъ своихъ, для своей паствы. „Священнику прежде всего нужно стяжать любовь евангельскую. Она нужна ему каждую минуту, каждое

мгновеніе, нужна, когда онъ молится за торжественной службой въ храмѣ, когда молится дома или въ домахъ прихожанъ, когда совершаетъ таинства вѣры, когда находится въ обычныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ — житейскихъ, семейныхъ, товарищескихъ, или въ сношеніяхъ съ прихожанами, съ начальниками или подчиненными, съ воспитанниками и кончившими время воспитанія, съ дѣтьми и взрослыми, съ старыми и малыми. Но особенно нужна ему любовь при совершеніи Божественной литургіи, которая есть вся таинство безконечной любви къ роду человѣческому". „Священникъ долженъ имѣть непрестанно въ себѣ Духъ Христовъ и любить своихъ пасомыхъ и вообще всѣхъ людей утробою Христовою (Филип. 1, 8)... Взглядъ священника на людей долженъ быть всегда взглядомъ Христовымъ, святымъ, любящимъ, кроткимъ, незлобивымъ, терпѣливымъ, всеобъемлющимъ, глубокимъ". „Пастырь долженъ быть печальникомъ о всемъ мірѣ. Весь міръ всегда на его устахъ, всѣ люди всѣхъ званій и состояній. Онъ молится о благосостояніи всего міра. . Пастырь долженъ быть преданъ всегда общему дѣлу, благу, не о себѣ только помышлять, не себѣ угождать, тѣмъ менѣе страстямъ своимъ. Касательно себя его желанія должны быть самыя ограниченныя. Онь—всѣмъ все". Священникъ —носитель духа любви вселенской, духа святыни, кротости, терпѣнія, представитель истины и непоколебимости, твердости Церкви, неизмѣняемости ея".

Вообще, священникъ долженъ быть врачемъ людей духовнымъ и тѣлеснымъ, утѣшителемъ печальныхъ и скорбящихъ, заступникомъ невинно гонимыхъ, особенно вдовъ и сиротъ, и помощникомъ для всѣхъ. О, какъ долженъ быть высокъ духомъ и горячъ любящимъ сердцемъ священникъ! Онъ долженъ быть ангеломъ земнымъ, достойнымъ носителемъ званія Христова, званія пастыря, священника, отца, судіи, заступника, миротворца, врача, писателя"...

Созерцая все служеніе священника,—его служеніе Богу и людямъ,—о. Іоаннъ говоритъ: „О, іерей!

ты долженъ быть великимъ, высокимъ и возвышеннымъ всегда въ душѣ, по причинѣ величія сана твоего, по причинѣ великости дѣла твоего, какое ты поставленъ дѣлать... Посмотри, съ кѣмъ ты въ постоянномъ общеніи молитвенномъ: съ Богородицею, со всѣми святыми, съ Самимъ Богомъ, со всею церковью на землѣ. Великій ты долженъ быть человѣкъ, о іерей, и никакъ не малый,—возвышенный, и никакъ не низкій. Ты служишь безсмертію и нетлѣнію,—презирай то, что смертно и тлѣнно. Ты служишь правдѣ и святынѣ,—отложи грѣхъ, возненавидь его всей душой, отринь его".

Въ своихъ проповѣдяхъ о. Іоаннъ неоднократно подчеркивалъ великое и важное значеніе священнослужителей,—архіепископовъ, епископовъ и іереевъ, говорилъ, что только одна наша православная церковь обладаетъ епископами, поставленными самими апостолами, которымъ Самимъ Господомъ дарована благодать, какъ даръ Святого Духа; другія же всѣ религіи и вѣроисповѣданія, кромѣ католической, говорилъ батюшка, не могутъ считаться и религіями, такъ какъ у нихъ нѣтъ такого облагодатствованнаго священства. О. Іоаннъ въ заключеніе добавилъ: „потому православные священнослужители вполнѣ заслуженно должны пользоваться любовію своихъ пасомыхъ, а пасомые должны быть послушными и покорными имъ, и тогда только церковь будетъ процвѣтать".—Батюшка весьма сожалѣлъ объ упадкѣ вѣры въ самомъ духовенствѣ, вспоминая слова св. Іоанна Златоуста, что изъ священниковъ немногіе спасутся.—Однажды, говоря прекрасное слово о великой важности священнаго сана, съ какимъ достоинствомъ его нужно носить и съ какимъ уваженіемъ должно къ нему относиться, батюшка съ грустью прибавилъ: „а какъ теперь много развелось такихъ священниковъ, которые пренебрегаютъ своимъ званіемъ, нисколько не заботятся о томъ, чтобы поучать народъ, а думаютъ лишь объ однихъ развлеченіяхъ"*). Одному почтенному іерею кронштадцы говорили: „батюшка нашъ часто молится о своей собратіи (т. е. о духовенствѣ) и

*) Е. Духонина, 79, 81, 141 стр.

сильно скорбитъ о нерадивыхъ пастыряхъ; однажды онъ выразился: „если бы всѣ мы, пастыри, были бы какъ должно... то діаволу нечего было бы и дѣлать". **).

Итакъ, по мысли о. Іоанна, пастырь—„ангелъ земной, носитель вселенской любви, уста всѣхъ, утѣшитель, врачъ, печальникъ, заступникъ, помощникъ,—отецъ, судія, миротворецъ, писатель, молитвенникъ".

Таковъ взглядъ о. Іоанна на пасгырское служеніе. Отсюда не трудно понять, какъ онъ началъ съ самыхъ первыхъ дней относиться къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, ставши пастыремъ.

Съ первыхъ дней своего высокаго служенія Церкви, онъ поставилъ себѣ за правило—сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнію. Вслѣдствіе этого, по опредѣленіи въ Кронштадтъ (1855 г.). у молодого еще священника оказалась масса занятій. Замѣчательное явленіе... Большинство священниковъ ищутъ работы, занятій, не знаютъ, какъ убить время отъ одной службы до другой. Иногда позовутъ къ больному или роженицѣ, а потомъ опять нечего дѣлать. Нѣкоторые стараются набрать побольше уроковъ. Но и при этомъ все-таки свободнаго времени бываетъ достаточно даже для картъ, пріема гостей, знакомыхъ и т. д. Другіе стараются убить свое свободное время во всевозможныхъ членствахъ, комитетахъ, коммиссіяхъ, собраніяхъ. Многіе изъ молодыхъ пастырей становятся настоящими чиновниками, бюрократами.

У о. Іоанна сразу же не стало времени ни пообѣдать, ни отдохнуть, ни провести часъ-другой въ семьѣ. Его никто не зналъ въ Кронштадтѣ, въ которомъ онъ раньше никогда не былъ. Да и священствуетъ онъ тамъ всего недавно, а дѣла у него столько, что съ утра до вечера не передѣлаешь. Никогда не роптalъ о. Іоаннъ на свою судьбу, не жаловался на обиліе дѣла, на отсутствіе досуга. Никогда не при-

**) Протоіерей І. Поповъ. Незабвенной памяти дорогого батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго, Спб. 1909 г, 38 стр

писывалъ себѣ, что совершалъ добраго и хорошаго. Никогда нигдѣ не перечислялъ своихъ заслугъ. Это весьма замѣчательно. Какъ онъ не похожъ въ данномъ случаѣ на многихъ своихъ собратьевъ! Въ 1886 г. о. Іоанну поднесли Остромирово Евангеліе и адресъ, въ которомъ, конечно, восхваляли его. Отвѣчая на этотъ адресъ, дорогой батюшка о. Іоаннъ говорилъ:

— Если вы хотите почтить во мнѣ благодать Божію и силу Христову, въ немощахъ моихъ совершающуюся къ славѣ Божіей, то съ благоговѣйною радостію принимаю эту честь, не къ себѣ ее относя, а ко Христу... Если же хотите восхвалить лично меня, мою энергію или самоотверженіе, то не принимаю чести, ибо во всемъ правда наша предъ Богомъ, какъ рубище поверженное, негодное, и скажу, какъ наставленъ Господомъ: я рабъ непотребный, ибо сдѣлалъ только то, что долженъ былъ всякій сдѣлать на моемъ мѣстѣ, при добромъ расположеніи ко мнѣ русскаго народа. Да, братья и сестры возлюбленные, не принимаю похвалы себѣ: ибо Тебѣ единому Господу за все подобаетъ хвала и слава. Но такъ какъ вы, друзья мои, чествуя меня нынѣ, чествуете въ лицѣ моемъ добродѣтель, которой во мнѣ только слабый зародышъ, а хвалящіе добродѣтель и сами причастны ея, то да почтитъ васъ Господь Богъ и да утвердитъ васъ и меня во всемъ добромъ, честномъ, достохвальномъ, да подастъ мнѣ и еще бодрость и силу неустанно служить и Ему, Господу Богу нашему, и людямъ Его, гдѣ бы они не жили: въ Кронштадтѣ или въ Петербургѣ, въ Крыму или Пятигорскѣ, въ центрѣ или на окраинѣ Россіи, — служить посильною помощью, потому что всѣ они наши братья, всѣ члены одного тѣла".

Каждый воскресный или праздничный день о. Іоаннъ произносилъ въ церкви непремѣнно поученіе. Проповѣдывалъ постоянно потому, что высоко смотрѣлъ на дѣло церковнаго учительства, на дѣло „служенія слова" (Дѣян. 6, 4). Часто у о. Іоанна проповѣди предшествовала молитва къ Богу о дарованіи ему слова. „Благодарю Господа,—пишетъ

онъ въ своемъ „Дневникѣ“,—даровавшаго мнѣ слово и предметъ слова къ народу предъ общею исповѣдію вечеромъ, въ 8 часовъ, да и днемъ послѣ преждеосвященной литургіи, по прочтеніи молитвъ предъ исповѣдію. Помолился Господу—и даровалъ мнѣ слово, полезное для тысячи душъ собравшихся“. Многіе ли изъ современныхъ проповѣдниковъ обращаются къ Богу съ молитвою предъ составленіемъ своей проповѣди? Многіе ли изъ нихъ благодарятъ Бога за успѣшно составленную и произнесенную ими проповѣдь? Многіе ли такъ смотрятъ на проповѣдь?

Вступивъ на мѣсто своего назначенія, незнакомый никому изъ кронштадтскихъ жителей, отецъ Іоаннъ сразу обратилъ на себя общее вниманіе своимъ страннымъ, по мнѣнію многихъ, поведеніемъ. Окружающіе, привыкшіе видѣть въ каждомъ священникѣ человѣка, человѣка, отбывающаго служебную повинность, къ удивленію своему, не встрѣтили въ молодомъ священникѣ ничего натянутаго и неискренняго, ничего матеріальнаго.

Глазамъ ихъ представлялся человѣкъ воспламененный духовною ревностію, сосредоточенный, уходящій внутрь себя и презирающій внѣшнее впечатлѣніе. Нерѣдко онъ возбуждалъ удивленіе, а подчасъ насмѣшки невѣрующихъ, когда, со скрещенными на груди руками, проходилъ по городу съ пристально устремленными впередъ взорами, въ которыхъ такъ и свѣтилась сокровенная мысль.

Нѣкоторые даже считали его за человѣка немормальнаго, слухи о чемъ, конечно, не могли до него недостигнуть; но эти слухи не вносили смущенія въ его свѣтлую, чистую душу, потому что свой внѣшній образъ жизни онъ обусловливалъ слѣдующими словами, помѣченными имъ на поляхъ Евангелія: „юродивые Христа ради во снѣ были посмѣшищемъ всему міру, но дѣла ихъ были таковы. что ихъ недостоинъ міръ“.

Съ первыхъ же дней служенія Церкви, отношенія отца Іоанна къ обязанностямъ и къ ближнимъ стали таковы, что оставалось изумляться, какъ глубоко, какъ тонко и съ какимъ сердечнымъ влече-

ніемъ онъ понималъ высоту своего призванія. Онъ сознавалъ, насколько велико это призваніе, какую страшную отвѣтственность онъ несетъ предъ Господомъ не только за себя, но и за всю свою паству. Сознавая это, онъ поставилъ въ основу—любовь евангельскую, т. е. такую, которая пріобрѣтается не внѣшними качествами, а дѣлами, по наставленію апостола Павла Тимоѳею, каковымъ долженъ быть пресвитеръ: образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (1 Тим. 4, 12).

Черезъ внутреннеее самоиспытаніе онъ проникъ духомъ, что пастырю прежде всего необходимо заслужить любовь паствы, что только ея сердечное отношеніе къ пастырю можетъ служить прочной поддержкой и утѣшеніемъ въ трудномъ дѣлѣ священства, а потому въ сердцѣ начерталъ планъ своей духовной дѣятельности—самый высоконравственный: хранить въ чистой совѣсти дары Духа Святаго, сообщенные чрезъ рукоположеніе архипастырское, совершать Богослуженіе по возможности ежедневно, приносить безкровную жертву и чрезъ таинственное единеніе съ Господомъ, укрѣпляясь духомъ,— приносить Царю всѣхъ молитвы о вѣрующихъ и, наконецъ, по прохожденіи пастыремъ земнаго пути, предстать на страшный судъ Вседержителя и отдать отчетъ о дѣлахъ паствы, наставлять и вести которую въ дѣлѣ спасенія было ему поручено его саномъ.

Чтобы лучше обрисовать взглядъ отца Іоанна на обазанности священника, приведемъ сказанныя имъ, въ своей автобіографіи, слова: „Съ первыхъ же дней своего высокаго служенія Церкви, я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, къ пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью. Съ этой цѣлью, я прежде всего принялся за чтеніе священнаго писанія Ветхаго Завѣта, извлекая изъ него назиоательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества. Потомъ я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывадъ свою борьбу съ помыслами и страстями,

свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы ко Господу, свои благодарныя чувства за избавленіе отъ искушеній, скорбей и напастей и постоянную помощь. Вмѣнилъ себѣ въ обязанность въ каждый воскресный и праздничный день поучать паству, произнося проповѣди или собственнаго составленія или печатныя—митрополита Григорія".

И, дѣйствительно, ни одну іоту не отступая отъ слова въ дѣлѣ пастырскаго служенія, имѣя въ началѣ довольно свободнаго времени, онъ принялся за тщательное и внимательное чтеніе книгъ священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. На сколько было внимательно это чтеніе, какоег лубокое впечатлѣніе произвела на него библія, — лучше всего свидѣтельствуютъ сдѣланныя имъ на поляхъ этихъ книгъ помѣтки, какъ напримѣръ: „Развѣ легко имѣть совершенную любовь?" „Любовь—есть Самъ Богъ". „Считай себя хуже всѣхъ, если хочешь быть совершеннымъ".

„Іерей Божій! вѣрь отъ всего сердца, вѣрь всегда въ благодать, данную тебѣ отъ Бога молиться за людей Божіихъ: да не будетъ вотще въ тебѣ этотъ великій даръ Божій, которымъ ты можешь спасти многія души; скоро слышитъ Владыка твою сердечную молитву о людяхъ и удобно преклоняется на милость къ людямъ, какъ на молитву Моисея, Аарона, Самуила, апостоловъ. Искупай всякій молитвенный случай—въ церкви, когда совершаешь Богослуженіе или таинство, на домахъ при совершеніи таинствъ, молитвословій и молебновъ, вездѣ и во всякое время помни о спасеніи людей Божіихъ и стяжешь великую себѣ благодать Божію".

„Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ.—Это осязательное, и опытъ подтверждаетъ это. Преблаженъ, преисполненъ жизнію тотъ человѣкъ, который съ вѣрою причащается св, Таинъ, съ сердечнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ.—Эта истина осязательна, ясна еще изъ противнаго. Когда безъ искреннаго раскаянія во грѣхахъ и съ сомнѣніемъ приступаешь къ св. Чашѣ, тогда входитъ въ тебя

сатана и пребываетъ въ тебѣ, убивая твою душу, и это бываетъ чрезвычайно ощутительно".

„Хорошо молиться мнѣ о людяхъ, когда причащусь достойно: тогда Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, Богъ мой во мнѣ, и я имѣю великое предъ Нимъ дерзновеніе.—Царь тогда во мнѣ, какъ въ обители: проси чего хочешь. Къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ. Елика хощете, просите, и будетъ вамъ.

„Я—немощь, нищета. Богъ—Сила моя. Это убѣжденіе есть высокая мудрость моя, дѣлающая меня блаженнымъ".

„Идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ—со Мною на престолѣ Моемъ; восхищени будетъ на облацѣхъ... съ Господемъ будемъ—вотъ наше упованіе"!

„Господь, яко сердцевѣдецъ, зная нашу скупость и мелочную корыстную расчетливость въ томъ случаѣ, когда намъ предстоитъ оказать гостепріимство и милость людямъ, отъ которыхъ мы не чаемъ воспріяти равное,—обѣщалъ воздать въ день суда не только за то, что мы накормили голоднаго, напоили жаждущаго, одѣли нагаго, посѣтили больнаго и находящагося въ темницѣ, но обѣщалъ награду даже за чащу студеной воды, поданной христіанину или—во имя Его—невѣрному. Иже аще напоитъ единаго изъ малыхъ сихъ чашею студены воды, аминь глаголю вамъ: не погубитъ мзды своея (Мар. 10, 42). О, благоутробіе Христово! Кто послѣ этого не устыдится своей жестокости сердечной и скупости постыдной"!

Такія помѣтки попадаются почти противъ каждаго стиха, съ подчеркиваніемъ мѣстъ, имѣющихъ особенное руководительное значеніе въ дѣлѣ духовнаго совершенствованія. Что же касается заведеннаго имъ дневника, то въ настоящее время онъ достигъ слишкомъ двадцати, довольно значительныхъ по объему, тетрадей.

Такимъ образомъ, у отца Іоанна на первыхъ же порахъ служенія оказалась масса дѣла; и о стремленіи убить время праздно, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Шагъ за шагомъ, не спѣша,

онъ пріобрѣталъ познанія, которыхъ, по его мнѣнію, ему мало дало академическое образованіе, пріобрѣталъ силу духа и вѣры, словомъ, шагъ за шагомъ, нравственно совершенствовался.

Кромѣ того, онъ поставилъ себѣ въ неукоснительную обязанность ежедневно совершать Божественную литургію; онъ ежедневно таинственно соединялся съ Господомъ чрезъ сердечное покаяніе и пріобщеніе святыхъ Таинствъ, и такимъ образомъ изо дня въ день велъ, хотя незамѣтную для другихъ, но полезную, кипучую, одухотворенную дѣятельность, не помышлля объ отдыхѣ.

Такое самопожертвованіе пастырское не покидало его никогда, не смотря на всю тяжесть окружающей обстановки, выражавшейся въ непонятно враждебныхъ отношеніяхъ со стороны интеллигенціи, не понимавшей высоты его служенія, причемъ нерѣдко доходило до открытаго глумленія надъ личностію почтеннаго пастыря со стороны нѣкоторыхъ.

Нужно было видѣть, съ какою кротостію, съ какимъ незлобіемъ отецъ Іоаннъ постоянно переносилъ всѣ насмѣшки, вражду, чтобы судить объ его душевныхъ достоинствахъ. Единственнымъ оружіемъ противъ подобныхъ невзгодъ ему служило молитвенное обращеніе къ Богу, дававшему силу бороться съ искушеніями.

Не легко было вначалѣ служеніе почтеннаго пастыря: борьба съ зачерствѣлостью сердецъ окружающихъ, борьба съ непонимавшими его и, особенно трудная въ жизни каждаго истиннаго служителя Христова, борьба съ тѣмъ невидимымъ врагомъ, о которомъ говоритъ въ одномъ изъ посланій своихъ Первоверховный Апостолъ,—всюду и постоянно сопутствовали ему. Объ этой-то непрестанной духовной борьбѣ съ невидимыми врагами,—духами злобы и всяческой нецравды,—сопровождавшей его всю жизнь,—въ предисловіи къ выдержкамъ изъ его „Дневника“, печатавшимся въ „Русскомъ Паломникѣ“, о. Іоаннъ говоритъ слѣдующее:

„Сила Моя въ немощи совершается, говоритъ Господь; гдѣ умножился грѣхъ,

тамъ преизбыточествуетъ благодать, говоритъ великій Апостолъ. Эта сила и эта благодать Господня и во мнѣ немощномъ и грѣшномъ преизбыточествовали во всѣ дни жизни моей, съ ранней юности до настоящихъ дней, и проявлялись осязательно, въ чудномъ озареніи души моей свѣтомъ покаянія и молитвы, въ умиленіи сердца и чистыхъ, горячихъ, животворныхъ и сладкихъ слезахъ, скверну сердца очищающихъ. Я старался всегда совершать домашнее и общественное Богослуженіе съ яснымъ и глубокимъ пониманіемъ его смысла, съ сильнымъ и горячимъ чувствомъ, съ миромъ въ душѣ. Но есть сильные враги молитвы: это, во первыхъ, наши страсти житейскія и начальства и власти тьмы, духи злобы поднебесной, о коихъ Апостолъ говоритъ въ своемъ посланіи: наша брань не съ плотію и кровію, но съ началъствами и властями тьмы, съ духами злобы поднебесными (Ефес. 6, 12). Съ этими всезлобными врагами молитвы и всякой правды мнѣ и приходилось вести неравную, упорную и жестокую борьбу, на животъ и на смерть, съ самаго начала моего священническаго служенія, потому что священникъ, по самому сану своему и званію, есть Божій ратоборецъ, облеченный во всеоружіе Божіе для непрестанной, невидимой брани съ невидимыми легіонами злыхъ духовъ, нападающихъ рано и поздно на оружника Христовой вѣры съ пламенными стрѣлами злобы своей, съ тонкостію, хитростію, быстротою и силою многовѣковой своей падшей духовной, сильной природы, Но, такъ какъ священникъ есть также человѣкъ падшій, грѣшный, многострастный, легкоуязвимый съ разныхъ сторонъ своей внутренней жизни, и въ этомъ заключается слабая его сторона, или слабыя его стороны, при веденіи духовной борьбы съ міродержателями тьмы вѣка сего, то я, съ самаго начала моего священнослуженія, долженъ былъ усиленно молиться Господу силъ, какъ и теперь молюсь, да научитъ Онъ всеблагій руки мои на ополченіе и персты мои на брань, невидимую, упорную, ожесточенную. И я не оставленъ былъ безпомощнымъ въ этой спасительной брани: я возводилъ очи мои,

полныя слезъ, къ небу, откуда всегда приходила мнѣ помощь и приходитъ, хоть часто не скоро, по причинѣ бывшей неопытности, въ искушеніяхъ, на молитвѣ. При непрестанныхъ внутреннихъ искушеніяхъ я долженъ былъ постоянно обращать душевное око мое внутрь себя, чтобы усматривать нападенія невидимыхъ враговъ, и такимъ образомъ пріучилъ себя почти къ непрестанному духовному созерцанію, тайной молитвѣ и всегдашнему благодаренію Господа за ниспосылаемую мнѣ помощь въ духовной войнѣ; ибо, съ помощію Божіею, я всегда, въ концѣ концовъ, выходилъ побѣдителемъ изъ нея, хотя при началѣ моего служенія бывалъ часто побѣждаемъ коварствомъ и хитростію безплотныхъ враговъ. При такомъ характерѣ моей внутренней жизни Господь сподоблялъ меня часто чудныхъ внутреннихъ озареній и свѣтлыхъ мыслей касательно молитвы вообще и разныхъ предметовъ вѣры и жизни христіанской"...

Въ одномъ изъ поученій своихъ о духовной войнѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Настоящая жизнь есть война, а всѣ мы—воины, и каждый изъ насъ на своемъ мѣстѣ и своемъ кругу, съ помощію Господа, можетъ быть побѣдителемъ.

Во первыхъ, побесѣдуемъ о необходимости побѣждать себя или идти противъ себя. Въ настоящую половину девятнадцатаго столѣтія подобное слово можетъ показаться совершенно несвоевременнымъ, отсталымъ отъ вѣка, несогласнымъ со взглядомъ большинства людей, потому что любимое выраженіе нынѣшнихъ людей, такое: ни въ чемъ себѣ не отказывай; если можешь, живи въ свое удовольствіе; жизнь коротка, спѣши наслаждаться; сегодня живы, завтра умремъ и конецъ намъ. Но проповѣдникъ слова истины не долженъ потворствовать духу вѣка, соображаться со взглядами людскими; онъ долженъ говорить чистую истину Божію, идти противъ ложнаго направленія духа времени, исправлять ложныя мнѣнія и направленія людей. Итакъ— именемъ вѣчной истины утверждаемъ, что всякій человѣкъ, христіанинъ особенно, долженъ побѣждать себя. Иже хощетъ по Мнѣ идти, говоритъ

Спаситель, да отвержется себе. (Марк. 8, (34.

Христіанину нужно побѣждать свои страсти и похоти; побѣждать пристрастіе къ этому временному вѣку и къ его благамъ: богатству, роскоши, увеселеніямъ, плотоугодію; необходимо побѣждать житейскую гордость, тщеславіе—эту болѣзненную мечту душъ, не сознающихъ своего бѣдствія и окаянства. Впрочемъ, не себя только нужно побѣждать христіанину или свои страсти, но надо побѣждать и міръ, надо идти противъ богопротивныхъ правилъ и обычаевъ міра, противъ его духа и направленія, всегда противоположнаго духу Христову, духу Евангелія...

Наконецъ, каждый изъ насъ обязанъ вести брань съ начальствами и властями и міродержителями тьмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными и побѣждать ихъ. Эти, невидимые, всезлобные противники и враги Божіи и наши, не имѣя никакой возможности причинить вреда всемогущему Богу, по попущенію Божію, всячески клевещутъ людямъ на Бога, внушая имъ хулу на Него, ропотъ, дерзость противъ Него, противленіе Его заповѣдямъ, научая ихъ всякой нечистотѣ. Знаютъ они, мерзкіе, что человѣкъ есть прелюбезное твореніе Божіе, созданное по образу Божію, и думаютъ нанести печаль Богу, уродуя Его твореніе, искажая въ немъ образъ Божій, вооружая человѣка противъ Бога, отчуждая его сердце отъ Бога, приковывая его къ вещественности, къ земности и оскверняя его всевозможными страстями.

Такъ мы всѣ должны побѣждать себя, міръ и діавола, и, побѣждая, ждать въ будущемъ вѣкѣ вѣнца побѣды, или, если будемъ непрестанно побѣждаемы, по нерадѣнію, духовному бездѣйствію и малодушію и пристрастію къ земнымъ вещамъ, должны идти въ плѣнъ вѣчный".

Глубоко понявъ свое призваніе, всѣмъ сердцемъ уразумѣвъ любовь евангельскую и на ней положивъ основу своего служенія, онъ, такъ сказать, воплотилъ въ себѣ идеалъ истиннаго пастыря и, какъ вѣрный служитель Господа, одаренный Имъ даромъ молитвы и исцѣленій, соединилъ сначала

тѣсный кружокъ въ Кронштадтѣ, а впослѣдствіи и повсемѣстно всѣхъ вѣрующихъ съ собою, какъ бы въ одно цѣлое, и тѣмъ доказалъ силу Божію, проявляющуюся и въ нашъ невѣрующій вѣкъ на избранныхъ.

Непріязненно относился къ о. Іоанну и его ближайшій начальникъ—настоятель собора. Настоятелю не нравилось, что о. Іоаннъ стремится каждый день служить литургію и настоятель сталъ препятствовать ему въ этомъ, бралъ къ себѣ на квартиру антиминсъ; дѣлалъ много и другихъ непріятностей... О. Іоанну не одинъ разъ приходилось бывать подъ разными „слѣдствіями". То его обвиняли въ неблагочинномъ поведеніи при Богослуженіи, (это—образцоваго пастыря! вотъ она, наша духовная ограниченная бюрократія!), то его обвиняли въ самовольныхъ отлучкахъ и т. д. и т. д., и мало ли еще какой клеветы ни возводили на него! Для большинства образованныхъ людей, чуждыхъ заповѣди апостольской о необходимости умѣть различать людей по ихъ духу и избирающимъ болѣе легкій способъ познанія, почти всегда ошибочный, именно по внѣшнему облику и по первому впечатлѣнію, дорогой пастырь русскаго народа о. Іоаннъ былъ всегда загадкою и какою-то тайною. Поэтому, въ своей труженической жизни онъ дважды подвергся жесточайшему гоненію, въ началѣ своей дѣятельности,—по зависти окружающихъ и въ концѣ жизни,—по злобѣ враговъ православія. Аристократія и интеллигенція ожидали видѣть въ немъ величественнаго, изящнаго пастыря, производящаго впечатлѣніе интонаціей голоса, пронизывающимъ взоромъ и таинственностью изреченій. Но небольшая, худощавая его фигура, быстрота движеній, характерныя особенности сельскаго батюшки, производили на многихъ неблагопріятное впечатлѣніе. Первые пятнадцать лѣтъ служенія и подвижничества о. Іоанна въ Кронштадтѣ возбуждали не только опасенія высшихъ іерарховъ и блюстителей въ православномъ вѣдомствѣ за судьбу этого необыкновеннаго пастыря, но смущали, по совершенно другимъ уже причинамъ, жившихъ въ то время, великихъ духовныхъ дѣятелей, какъ

напримѣръ, Преосвященнаго Ѳеофана—затворника. Нѣсколько разъ строгій Митрополитъ Исидоръ допрашивалъ о Іоанна, заставлялъ его служить при себѣ и доискивался, что есть въ немъ особеннаго, даже сектантскаго, какъ увѣряли и доносили ближайшіе священно-служители. К. П. Побѣдоносцевъ вызывалъ его къ себѣ и сказалъ: „ну, вотъ вы тамъ молитесь, больныхъ принимаете, говорятъ, чудеса творите; многіе такъ начинали, какъ вы, а вотъ чѣмъ-то кончите"?—„Не извольте безпокоиться, отвѣтилъ дивный батюшка въ своей святой простотѣ, —потрудитесь дождаться конца"! Преосвященный Ѳеофанъ счелъ необходимымъ отнестись къ о. Іоанну письменно, со словомъ любви и наставленія и высказать, что онъ взялся за такую подвижническую жизнь въ міру, среди всѣхъ житейскихъ соблазновъ и невзгодъ, которая неминуемо должна привести его къ страшному паденію или окончиться ничѣмъ; что никто еще, со времени принятія христіанства, не только въ Россіи, но и на Востокѣ, не рѣшался на подобный путь, будучи не монахомъ, а священникомъ, живя внѣ ограды и стѣнъ монастырскихъ, и что это непремѣнно породитъ величайшій соблазнъ въ духовенствѣ и народѣ.

Непріязненно относился къ великому праведнику о. Іоанну и Кронштадтскій полиціймейстеръ Головачевъ, который впослѣдствіи былъ преданъ суду за лихоимство и взяточничество. Зная враждебныя дѣйствія Головачева противъ о. Іоанна, прокурорская власть вызвала о. Іоанна въ качествѣ свидѣтеля. Зданіе суда ломилось отъ публики въ день допроса о. Іоанна. Головачевъ и его защитники сильно волновались. Но вотъ начался допросъ. Къ общему удивленію и разочарованію многихъ, о. Іоаннъ говорилъ только о хорошихъ поступкахъ Головачева и въ каждомъ обвинительномъ пунктѣ находилъ что либо гуманное, полезное...

— Свидѣтель, обратился къ о. Іоанну прокуроръ,—вы должны на судѣ говорить всю правду, ничего не скрывая.

Глаза о. Іоанна засвѣтились тѣмъ огнемъ, который не разъ заставлялъ дрожать многихъ. Онъ

не далъ докончить прокурору начатой фразы, сказавъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:

— Я говорю по священству.

Всѣ присутствующіе затаили дыханіе. Прокуроръ отказался отъ допроса, защитники также, и о. Іоаннъ оставилъ залъ суда. Дорогого батюшку часа полтора держала въ корридорахъ толпа народа, прося благословенія. Слова: „я говорю по священству“ у всѣхъ надолго остались въ памяти.

Противъ о. Іоанна высказывались какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Тамъ и здѣсь возводили на него чудовищныя, незаслуженныя обвиненія. Такъ, въ 1883—84 годахъ, когда слава о его жизни, дѣлахъ милосердія и молитвѣ проникла въ столицу, одна изъ мелкихъ газетъ „Минута“, несуществующая уже теперь, поразительно рѣзко возстала противъ почтеннаго пастыря. Эта газета обвиняла о. Іоанна въ основаніи какой то небывалой секты, упрекала въ небрежномъ, будто бы, отношеніи къ своимъ обязанностямъ, въ извращеніи Св. Писанія. Мало того, она стремилась доказать, что почтенный пастырь разрушаетъ семейныя узы и кичится своими благодѣяніями. Въ довершеніе всего, „Минута *)“ взывала къ общественному мнѣнію и принятію какихъ либо мѣръ противъ о. Іоанна. Нѣкоторые распространяли даже какую то безсмысленную молитву, приписывая ее о. Іоанну.

Въ 1889 году д-ръ Поповъ выразилъ на судѣ также крайне неблаговидное мнѣніе объ о. Іоаннѣ. Онъ отозвался о немъ, какъ о фанатикѣ, заражающемъ своимъ фанатизмомъ всѣхъ окружающихъ. А на слѣдующій день одинъ публицистъ, раздувъ этотъ отзывъ, не обинуясь назвалъ всѣхъ почитателей о. Іоанна „сумасшедшимъ домомъ на свободѣ“.

Но о. Іоанна не смущала эта клевета. Въ минуты гоненій, воздвигаемыхъ на него, онъ приводилъ себѣ на память слова Спасителя: „рабъ не можетъ быть больше господина своего“ (Іоан. 15, 20), и утѣшалъ себя слѣдующими мыслями.

*) Самое названіе газеты „Минута“ какъ-бы нарочито, знаменательно указываетъ на скоротечность, призрачность всего земного, греховнаго, всего нападающаго на Церковь Божію, но предъ не побѣдимою силою благодати Божіей исчезающаго какъ дымъ, какъ воскъ отъ лица огня...

— Какъ гнали Господина жатвы, такъ будутъ гнать во всѣ времена истинныхъ послѣдователей Его. Но Господь заранѣе утѣшилъ всѣхъ Своихъ вѣрныхъ учениковъ ублаженіемъ и обѣтованіемъ имъ величайшей награды на небесахъ—вѣчнаго царства небеснаго; и, напередъ претерпѣвъ Самъ жесточайшія мученія и смерть, оставилъ всѣмъ намъ примѣръ мужества и терпѣнія при гоненіи за правду. „Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царствіе небесное... Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ". Онъ какъ бы такъ сказалъ: не унывайте и не отчаявайтесь, вѣрные Мои послѣдователи, возвѣщающіе людямъ правду словомъ и дѣломъ, съ твердостью необоримою, до изгнанія и смерти стоящіе за истину Мою, за заповѣди Мои. Я буду вашею подпорою, вашею силою, вашимъ утѣшеніемъ, вашимъ внутреннимъ блаженствомъ при всѣхъ вашихъ злостраданіяхъ, напастяхъ и скорбяхъ, при всѣхъ истязаніяхъ и мученіяхъ за имя Мое. „Якоже страданія Мои будутъ избыточествовать въ васъ, тако будетъ вамъ избыточествовать Мое утѣшеніе" (2 Кор. 1, 5). Изгнанники и мученики еще во время земной своей жизни, при всѣхъ гоненіяхъ и скорбяхъ, лишеніяхъ, мученіяхъ, торжествовали надъ своими гонителями; радовались и веселились, идя на лютыя мученія, какъ будто шли брать царство; имѣли царственный духъ, царственное величіе, непобѣдимое терпѣніе и своею вѣрою и своимъ терпѣніемъ посрамляли всѣхъ своихъ мучителей—царей и игемоновъ, а по смерти наслѣдовали самымъ дѣломъ царство небесное и теперь царствуютъ со Христомъ, по слову Его: „побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его" (Апок. 3, 21). Вотъ какъ укрѣпляло ихъ слово безсмертнаго Царя-Христа, Его вседѣйствующая благодать; вотъ какъ разительно проявлялась сила Христова въ этихъ немощныхъ сосудахъ!

Считаемъ необходимымъ здѣсь привести нижеслѣдующій послужной (формулярный) списокъ отца Іоанна. Въ священническій санъ былъ рукоположенъ 12 декабря 1855 года преосвященнымъ Христофо-

ромъ, епископомъ Ревельскимъ. Въ 1856 г. получилъ выдававшіеся священникамъ, въ память войны 1854—56 гг., темно-бронзовый наперсный крестъ на Владимірской лентѣ и свѣтло-бронзовую медаль на Андреевской лентѣ. Въ 1857, 1860 и въ 1865 гг., по назначенію епархіальнаго начальства, велъ въ соборѣ катехизическія бесѣды. Съ 1857 по 1862 г. состоялъ законоучителемъ кронштадтскаго уѣзднаго училища и ланкастерскаго класса, а съ основаніемъ въ 1862 году кронштадтской классической гимназіи сдѣлался въ ней законоучителемъ, оставаясь въ той должности въ теченіе 23 лѣтъ. Въ 1864 г. исполнялъ обязанности депутата по кронштадтскому благочинію. Въ 1875 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1876 г. ключарь собора, протоіерей М. Веселовскій принялъ монашество; вмѣсто него было назначенъ о. Іоаннъ. Съ выходомъ за штатъ въ 1894 г. настоятеля собора, протоіерея П. В. Трачевскаго, почившій пастырь принялъ на себя и настоятельскія обязанности. Всѣ награды, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, получены отцомъ Іоанномъ „за отлично-усердное служеніе и исполненіе имъ своихъ обязанностей". Такъ, онъ награжденъ: набедренникомъ (1860 г.), фіолето-бархатною скуфьею (1861 г.), фіолето-бархатною камилавкою (1866 г.), золотымъ наперснымъ, отъ Св. Сунода выдаваемымъ, крестомъ (1870 г.); за усердное служеніе церкви Божіей въ 1895 г. награжденъ палицей; отъ Болгарскаго князя Фердинанда получилъ брилліантовый крестъ на золотой цѣпочкѣ, и, наконецъ, въ 1899 году „за усердную свыше 40-лѣтнюю службу въ духовномъ санѣ" сдѣланъ митрофорнымъ протоіереемъ. Благословенія Св. Сунода, съ занесеніемъ въ послужной листъ, имъ получены два раза—въ 1870 и 1889 гг. Ордена отецъ Іоаннъ имѣлъ слѣдующіе: св. Анны 3 и 2 степени (1878 и 1883 гг.), св. Владиміра 4 и 3 ст. (1887 и 1891 гг.), и св. Анны 1 ст. (1896 г.), болгарскій орденъ 2 ст. со звѣздою и крестомъ (1899 г.). Кромѣ крестовъ темно-бронзоваго и золотого отъ Св. Сунода, отецъ Іоаннъ получилъ таковые же, съ драгоцѣнными украшеніями изъ Кабинета Его Величества (1894 г.), отъ кронштадтскихъ почитателей (1880 г.), отъ пе-

тербургскихъ почитателей (1880 г.), отъ петербургскихъ торговцевъ и другихъ столичныхъ почитателей (1884 г.). За свою обширную благотворительность отецъ Іоаннъ имѣлъ знаки нижеслѣдующихъ обществъ: Императорскаго Россійскаго общества спасанія на водахъ: серебряный (1891 г.), золотой (1893 г.), Императорскаго православнаго палестинскаго общества для ношенія на шеѣ (1893 г.), общества возстановленія православія на Кавказѣ, знакъ св. Нины 3 ст. (1891 г.), таковой же 2 ст. (1893 г.), холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства золотой знакъ 1 ст.

Всѣ кронштадтскія благотворительныя общества имѣли глубокоуважаемаго пастыря своимъ почетнымъ членомъ. Почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ о. Іоаннъ состоялъ также во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и братствахъ въ обѣихъ столицахъ и въ другихъ городахъ Россіи, на что имѣлъ дипломы.

Въ 1895 году, по волѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, отецъ Іоаннъ назначенъ членомъ комитета по устройству въ Россіи Домовъ трудолюбія.

Въ 1894 г. ѣздилъ въ Ливадію, гдѣ часто посѣщалъ больного Царя-Миротворца и присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Его жизни. По волѣ Государя Императора Николая II, принималъ участіе во всѣхъ печальныхъ церемоніяхъ по перевезенію тѣла почившаго Государя Императора Александра III изъ Ливадіи въ Петербургъ, перенесеніи съ Николаевскаго вокзала въ Петропавловскій соборъ также отпѣваніи и погребеніи въ этомъ соборѣ.

14 ноября 1894 года, по Высочайшей волѣ, присутствовалъ при совершеніи брака Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ большой церкви Зимняго Дворца, за что получилъ изъ Кабинета Его Величества золотой съ драгоцѣнными украшеніями наперсный Крестъ.

14 ноября 1895 года, присутствовалъ при совершеніи въ церкви Зимняго Дворца таинства крещенія первородной дщери Ихъ Императорскихъ Величествъ, Великой Княжны Ольги Николаевны, за что удостоился получить съ Именною Царскою Соб-

ственноручною подписью портретъ. 14 мая 1896 г., по волѣ Его Величества, былъ командированъ въ Москву для присутствія при Священномъ Короновании и Помазаніи на Царство Ихъ Императорскихъ Величествъ и имѣлъ счастіе быть участникомъ въ этотъ день въ сослуженіи Божественной литургіи въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, за что Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени.

28 октября 1899 г., по желанію болгарскаго князя, его высочества Фердинанда, совершалъ Божественную литургію въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ, за что удостоился получить, по окончаніи литургіи, изъ собственныхъ рукъ его высочества болгарскій орденъ 2-й ст. со звѣздою и крестомъ и брилліантовый крестъ на золотой цѣпочкѣ. Въ 1904 г. присутствовалъ при крестинахъ Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича и получилъ украшенный драгоцѣнными каменьями крестъ изъ Кабинета Его Величества. Въ 1907 году назначенъ членомъ Св. Синода.

Чтеніе этого послужного списка знаменитаго пастыря наводитъ на весьма поучительныя размышленія. Мы видимъ, какъ долго о. Іоанну приходится жить въ скромной, безвѣстной долѣ „младшаго“ священника при Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ, какъ цѣлые десятки лѣтъ его держатъ въ „черномъ тѣлѣ“, и, говоря по просту, по русски, не даютъ ему хода...

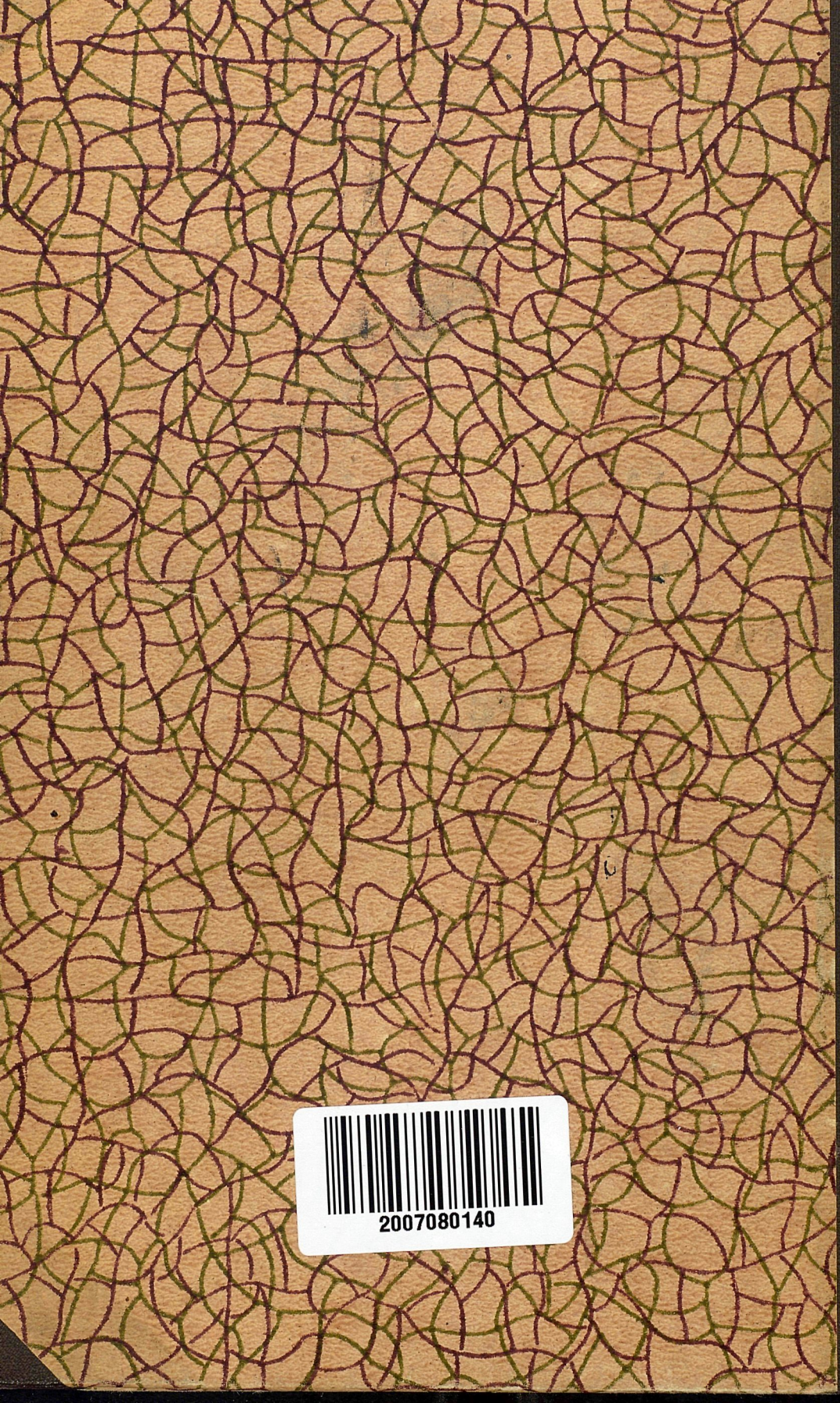
Въ самомъ дѣлѣ, на о. Іоанна возлагаютъ одно послушаніе за другимъ, заставляютъ его исполнять то одну, то другую обязанность, но награды и поощренія даются ему скупо, рѣдко, награды почти ничтожныя, если принять во вниманіе его образцовую, пастырскую ревность, заслуживавшую, конечно, гораздо большаго. Черезъ 5 лѣтъ упорнаго труда онъ получаетъ всего лишь набедренникъ, (1860 г.), камилавку ему даютъ лишь черезъ 10 лѣтъ послѣ рукоположенія, наперсный крестъ—черезъ 15, а въ санъ протоіерея его возводятъ лишь черезъ 20 лѣтъ по принятіи священства!..... Объясняется это прежде

всего великимъ смиреніемъ дивнаго пастыря земли Русской. Онъ не принадлежалъ къ тому виду духовенства, который часто встрѣчается, особенно въ наше время, и который мы назовемъ искателями, ходящими по аристократическимъ салонамъ и гостинымъ и тамъ вымаливающимъ содѣйствіе о какой-либо наградѣ или служебномъ повышеніи. И вотъ изъ этихъ салоновъ по „особой протекціи“ мчатся ходатайства о награжденіяхъ и поощреніяхъ лицъ не всегда достойныхъ: то „порекомендуютъ“ Григорія Петрова, то выдвинутъ Георгія Гапона, а потомъ, когда качества этихъ Гапоновъ обнаружатся, сколько бываетъ хлопотъ, труда и возни, чтобы какъ-либо избавиться отъ этихъ проходимцевъ!...

Великій пастырь земли Русской не зналъ никакихъ салоновъ и гостиныхъ, да и некогда ему было и ходить туда, онъ все время былъ занятъ своимъ пастырскимъ дѣломъ, молитвою, проповѣдью, да хожденіемъ по чердакамъ и убогимъ Кронштадтскимъ лачугамъ. Онъ ожидалъ себѣ награды лишь отъ небеснаго Пастыреначальника Господа Нашего Іисуса Христа, а такимъ людямъ отъ людей награды иногда и вовсе не дождаться. Правда, съ 1894 г., послѣ оказаннаго самимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III вниманія о. Іоанну, онъ достигъ всероссійской славы, и награды стали тогда даваться ему быстро, но—первые десятки лѣтъ его пастырскаго служенія!?. Въ Кронштадтскій соборъ онъ поступилъ въ 1855 году, а настоятелемъ собора сдѣланъ въ 1894 году, т. е., ровно 40 лѣтъ онъ не былъ настоятелемъ. Образцовому пастырю, всероссійскому молитвеннику, вселенскому свѣтильнику, вполнѣ достойному занимать каѳедру всероссійскаго патріарха, (о чемъ писалъ въ „Нов. Вр.“ М. Меньшиковъ), цѣлыхъ 40 лѣтъ пришлось не имѣть настоятельскаго званія при скромномъ, провинціальномъ Кронштадтскомъ соборѣ!.. Золото и драгоцѣнные камни лежатъ въ глубинѣ земли, а на поверхности обычно видны лишь соръ и шелуха. Зависть окружающихъ къ о. Іоанну, съ другой стороны его собственное смиреніе, стремленіе не выставлять

себя на показъ, удаленіе отъ аристократическихъ салоновъ и усердное посѣщеніе лачугъ бѣдняковъ— все это, повидимому, было сильной преградой къ прославленію о. Іоанна, но тамъ, гдѣ „хощетъ Богъ, побѣждается естества чинъ“... Надъ о. Іоанномъ во всей полнотѣ исполнилось слово, писанное въ житіяхъ угодниковъ Божіихъ, стяжавшихъ смиреніемъ высокая, нищетою—богатая,—„елико смиряше себе угодникъ Божій, толико паче Богъ прославляше его“. Объ этомъ подробнѣе скажемъ въ слѣдующей главѣ.

2007080140